

ТАЛАНТЫ И ПОДВИЖНИКИ

На спектаклях театральных студий

ПОЧЕМУ зарождается, что исповедует, чем держится театральное любительское искусство, так широко распространившееся по всей стране? Оно держится подвижниками.

«О господи! Опять лущать коней!..» — протяжный вопль, десять лет краду открывающий прославленный на весь мир спектакль «История лошади» в Ленинградском БДТ, только что снова прозвучал со сцены. Наконец-то Марк Розовский поставил свою пьесу по толстовскому «Холстомеру» «у себя», в театре-студии «У Никитских ворот». Дождался случая «пущать своих коней»...

Уже почти 30 лет, начиная со студенческого театра МГУ «Наш дом», работает Розовский в искусстве — так, как способны работать одни только подвижники. Филолог по образованию, драматург и режиссер в одном лице, он тяготеет к Литературному театру, создает театр Автора — будь то Карамзин, Толстой, Чехов, Горький, Платонов, Зощенко, Бабель, Маяковский, блокадный дневник девочки или пьеса собственного сочинения. Через автора он и высказывается, рождает стиль лирического откровения.

Скоро 30 лет работает и другой подвижник в искусстве — режиссер Регина Гринберг, создавшая в городе Иваново уникальный Поэтический театр. Лауреат премии Ленинского комсомола, этот Молодежный музыкально-поэтический театр-студия широко известен за пределами своего города. Также филолог из МГУ, Регина Гринберг строит особый театр Поэта, подчиненный своим законам — звучанию стиха, слова, музыки, пластики, света, живого движения спектакля во времени. Уже сменилось три поколения студийцев, приходят все новые мальчики и девочки, готовые репетировать без устали, всю ночь напролет.

В город Иваново едут из окрестных мест, издалека, и сам театр то и дело на колесах. Но что в Иваново — поезжайте в Москве на метро, туда, где работает в подвале дома № 125 по проспекту Вернадского театр-студия на Юго-Западе. Валерий Белякович, 17 лет назад окончивший режиссерский факультет ГИТИСа, спокойно мог бы стать штатным «очередным». И его приглашали. Но он предпочел трудную долю подвижника, аутсайдера. Сначала работал в безвестных кружках, а последние 9 лет — здесь, в студии, куда устремляются зрители со всех концов Москвы — не просто посмотреть нашу великую «Зарядку», но помочь чем только можно, хоть полы вымыть...

...Пустое черное пространство (хоть глаз выколи), куда с трудом втиснутся человек 80, не более. Луч, как бинокль, выхва-

тывает из тьмы лицо актера, приближает, скульптурно укрупняет черты — не скроешься. Здесь игра без полутонов, не вполнакала, а во всю мощь души. В центре почти всех спектаклей — актер необычайной выразительности Виктор Авилов, на него сориентирован весь театр. Узкое лицо, огромные страдальческие глаза, прямые пряди светлых волос, хрипло-звучный голос и странная пластика длинных рук, ног, всей скользящей в полутьме фигуры...

В СТУДИЙНОЕ движение сейчас пошли не только профессионалы — режиссеры, драматурги, литераторы, но и люди с другого берега — «технари». Знак времени? Почему вот уже 23 года окончивший МАИ авиационный инженер Анатолий Морозов трудится в созданном им при Челябинском политехническом институте театре-студии «Манекен»? Том самом «Манекене», что собрал за эти годы немало премий на международных фестивалях любительских театров. Преподаватель института, написавший диссертацию о летательных аппаратах, вдруг все бросает ради такого «несерьезного» дела, как театр, и оно становится для него главным делом жизни, истинным призванием! Почему?

Да потому, что, впервые открывая на сцене «Белый пароход» Чингиза Айтматова, «Две стрелы» Александра Володина, «41-й» Бориса Лавренева, «Наш городок» Торнтона Уайлдера, он погружался в самую пучину раздумий о смысле бытия человеческого. И в Челябинске, и на чеховском фестивале в Таганроге его студийный спектакль «Моя жизнь» по зрелым произведениям Чехова поразил глубиной содержания.

Сегодня Анатолий Морозов, став режиссером Челябинского драматического театра, свою студию «Манекен» не оставил. Напротив, так продолжался усложнять экспериментальные поиски «синтетического» театра, а добытое опытным путем в студии переносит на сцену профессиональную.

Кандидат физико-математических наук Сергей Кургина тоже бросает свою «престижную» профессию и с покоряющей энергией увлекается созданием театральной студии. Наверное, тоже не случайно «переходит в другую веру», надеясь с помощью таинственной силы искусства познать иные философские и эстетические ценности, попытаться «пробудить в каждом человеке художника», исполняя известные чеховские слова. Его студия — на Малой Грузинской называется «На досках». Кроме досок, у этих ребят действительно пока ничего нет. Как и все прочие студии, это тоже «бедный» театр.

Но зато уже развернута целая программа на будущее — ради всестороннего синтетического воспитания актера нового типа. Тут необходим и выход на уровень современной философской мысли, и постоянный психофизический тренинг. Ради этого в студию приглашаются специалисты, выбираются для работы «трудные» авторы.

А из бондаревского «Берега» извлекаются только лучшие — фронтовые страницы, и героем спектакля становится лейтенант Княжко. Взлетают защитные плащ-палатки, и тема Памяти, острый до кровавой схватки диспут о гуманизме в экстремальных обстоятельствах, звучит сегодня с грозной актуальностью. И те же молодые актеры ввергают в водоворот лихорадочного пульсирующей мысли автора «Знамен из подполья» — вовсе не ради гадящего чувства самоуничтожения. «Я» — так назван спектакль по Достоевскому, потому что в пространстве, опутанном серой паутиной с колокольчиками, каждый из студийцев должен лично войти в жестокий клубок противоречий жизни, додумать до конца самые сложные вопросы бытия, найти исход — если хватит сил.

Из таких же «далеких» от искусства сфер — из МХТИ имени Менделеева — пришел к своей студии и Михаил Шеленко. Прошел курс режиссуры в Щукинском училище и вот уже десятый год вместе с Т. Басиной формирует свою студию «На улице Чехова». Тут тоже тесное помещение на 50 человек, но уже есть и свой репертуар, и своя, преданная публика. Уже испробован и Чехов, и Вампилов, и Алла Соколова с ее «Фантазиями Фарфятева», и детские сказки-фантазии.

Но открытием, лицом театра стала «Чайка» по имени Джонатан Ливингстон Р. Баха, посвященная пятидесятилетию Юрия Гагарина и «невдуманному Джонатану-чайке», который живет в каждом из нас». На черном фоне — три колеблющихся белых круга, как метафоры земли, воздуха и космоса. И легкая белая фигура юности, парящая в большом воздухе, увлекающая за собой других...

ПАНОРАМУ современного студийного движения можно было бы развернуть очень широко. Вспомнить московские студии Олега Табакова, Романа Виктюка, Алексея Левинского, Евгения Славутина. Нельзя не отдать дань таланту студии Бориса Озерова из Львова, которому принадлежит честь первооткрытия «Утиной охоты» Вампилова и «Чиназано» Петрушевской. Невозможно не сказать доброго слова и об интереснейших студийных спектаклях Марка Вайля из Ташкента по Чингизу Гусейнову, Брехту, Шварцу, Злотникову.

19.8.86. сменный опыт другого энтузиаста, мастера по слову Никки Косенковой, которая с молодежью из Челябинского ТЮЗа совершает эксперимент вокально-пластического постижения труднейших шекспировских монологов? А поиски молодых актеров из Смоленска Людмилы Лисковской и Николая Коншина, которые много лет на разных площадках, в разных городах, где придется, играют — на свой страх и риск — проникновенные композиции по Достоевскому и Гоголю?

Приливная волна студийности все поднимается — любительские театры вырастают повсюду, как грибы после хорошего дождя. Тот, кто посетил в мае фестиваль молодежных народных театров в городе Брежнев, был потрясен тем, как сыграла «Круглянский мост» Василия Быкова студия Юрия Колесникова при КамАЗе, а на спектакле «Завтра была война» Бориса Васильева, поставленном Игорем Масловым из удмуртского города Глазова, весь зрительный зал в финале встал и, не скрывая слез, рукоплескал молодым ребятам. Творческая миссия духовного воспитания личности увлекает сегодня и Виталия Трескина из Липецка, и Любовь Ермолаеву из Омска, и Василия Соколова из Абакана. Словом, студийное движение — на новом витке своего развития. Его отличают серьезные, более сложные уровни идейной проблематики, тяга к синтезу всех средств сценической выразительности, открытие новой драматургии своего поколения 70-80-х годов и замах на таких больших авторов далеких и близких эпох, до которых и опытным профессионалам дотянуться нелегко.

ИЗВЕСТНО, что студийное движение начинается, когда в нем есть потребность самого времени, самого искусства. Такое время наступило. «Любитель» был в свое время Станиславский. И потом всякий раз, когда он чувствовал угрозу застоя, создавал вокруг Художественного театра все новые и новые студии. Не так ли позже в брожении студийных идей родился и «Современник» с молодым Олегом Ефремовым во главе, и молодой режиссер Георгий Товстоногов, и молодой режиссер Анатолий Эфрос?.. И сегодня, в ситуации небывалых общественных перемен, набирает силу широкое по размаху, демократическое по своему духу, смелое по театральным идеям и многоликое по творческим индивидуальностям движение. На его пути, к сожалению, немало организационных, административных и всяких иных «порогов». О них «Известия» уже писали — в № 88 и № 217; говорилось, в частности что преодолеть их поможет экономический эксперимент «Театр-студия на хозяйственном подраде». Ясно одно — проблемы, этого самостоятельного и цельного явления современной театральной жизни требуют скорого и заинтересованного решения. Откроем шлязы, расчистим пороги: пусть река течет свободно.

М. СТРОЕВА,
доктор искусствоведения.

Известия — 1986. — Мадри.